

Ипполитов Г.М. Россия императорская. Моральный дух армии в зеркале историографии. Историографическое исследование проблемы морального духа русской армии и его укрепления в 1870-1914 гг.

Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 395 с.

В немецком издательстве «LAP LAMBERT Academic Publishing», специализирующемся на публикации академических трудов, вышла в свет монография доктора исторических наук, профессора Георгия Михайловича Ипполитова, ведущего научного сотрудника Поволжского филиала Института Российской истории Российской академии наук. Она представляет собой историографическое исследование, выполненное в ключе проблемно-тематической историографии, в котором раскрывается история изучения проблемы морального духа русской армии и его укрепления в 1870-1914 гг. Можно в первых строках рецензии утверждать: историографическое исследование выполнено на высоком научном уровне. Этому способствовало в полной мере то обстоятельство, что ученый подошел исключительно скрупулезно к выбору научных основ исследования. Неслучайно им посвящена отдельная глава в монографии (С.21-103).

Почему, спрашивается, целая глава? Автор это аргументировал довольно оригинальным суждением, суть которого можно свести к следующему: в историографическом труде вопросы теории, методологии, принципов и методов исследования приобретают особую значимость, так как правильные ответы на них позволяют наметить своего рода «кроки исследовательского маршрута», позволяющего выйти из лабиринта историографических фактов и источников на новый уровень синтеза историографического знания по рассматриваемой проблеме (С.100). С подобным суждением можно (да, пожалуй, и должно), конечно, спорить, но в конечном итоге трудно не согласиться. Но дальше автор построил структуру столь важной первой главы («Научно-теоретические основания и источники историографического исследования проблемы») несколько нестандартно. В первом параграфе раскрывается история истории изучения рассматриваемой проблемы (С.21-36). И только после этого автор определяется в методологии, принципах, методах рецензируемого исследования (С.36-73), а затем дает характеристику его источниковой базы (С.73-103). Но в историографических исследованиях, выполненных в ключе проблемно-тематической историографии, история истории изучения темы освещается, как правило, во введении. Однако Г.М. Ипполитов отошел от принятых канонов. В итоге архитектоника главы несколько утяжелилась, за что уче-

ного будут, видимо критиковать. Однако подобное утяжеление архитектоники все-таки не привело к ее нарушению. Поэтому это стало одним из условий того, что выглядит вполне аргументировано и, следует отдельно подчеркнуть, *читабельно* синтезирующее суждение автора о степени научной разработанности исследуемой в монографии проблемы: «...история истории изучения рассматриваемой темы – история явно незаконченная. Здесь ученым предстоит сделать еще множество открытий» (С.36). Так что в целом отход от сложившихся схем здесь оправдан.

Относительно научно-теоретических оснований рецензируемого историографического исследования можно заметить, что они автором обоснованы с высоким запасом академической прочности. Теоретико-методологические основания его монографии зиждутся на подходах, принципах и методах, продиктованных плюралистическим методологическим многоголосием, характерным для отечественной исторической науки в начале XXI века. Но историограф не стал гоняться за новомодными парадигмами, когда они лишь только декларируются через отточенную красивую научную фразу, но не претворяются в исследовании. Теоретико-методологическими ориентирами в формате данного историографического исследования Георгий Михайлович определил следующие: приоритет рационализма в процессе историко-научного и в том числе историографического познания; осторожное, взвешенное отношение к постмодернистским концептуальным построениям в сфере теории, методологии и истории исторической науки; признание закономерности и необходимости перехода от эмпирического уровня в познании исторического и историко-познавательного процесса к теоретическому уровню его понимания и объяснения. Конечно, методология исторического исследования (а историографического в особенности) – научное дискуссионное поле, где все подвергается сомнению. Однако будем помнить и то, что выбор методологии исследования – неотчуждаемое право его автора.

Степень достоверности научных результатов, полученных автором, во многом усиливается тем, что историографическое исследование выполнено на обширной и разнообразной источниковой базе. В ее состав входят: историографические источники, представленные широким кругом общих и специальных исследований, а также

научно-справочных изданий, характеризующих указанную проблему; исторические источники – комплекс документов (архивные и опубликованные), отражающих имперский период истории государства Российского и его Вооруженных сил; дополнительные источники неисторического и неисториографического характера. Уровень их репрезентации высок. Вся их совокупность дает возможность в достаточной мере раскрыть историю изучения рассматриваемой проблемы. Дополняя и уточняя друг друга, комплекс историографических источников служит хорошей научной базой для исследования по избранной проблеме. Их тщательный комплексный анализ, переосмысление с позиций современной исторической науки позволили ученому правильно установить степень научной разработанности в отечественной историографии его проблемы, выйти на верификационные суждения, сделать верные выводы и выработать практические рекомендации для сегодняшнего дня.

Во второй, третьей и четвертой главах рецензируемой монографии анализируются соответственно: российская историография проблемы морального духа русской армии и его укрепления до 1917 года (С.103-180); вопросы морального духа армии императорской России и его укрепления в исторической науке русского зарубежья (С.181-220); проблема морального духа русской армии и его укрепления в исследуемом периоде в зеркале отечественной историографии (1920-е годы до настоящего времени). Характерно и то, что автор избрал небезыntenесный алгоритм для всех глав: в первом параграфе дается общая характеристика историографической ситуации в исследуемые периоды; раскрываются особенности развития российской исторической науки, а также условия выполнения исследований по рассматриваемой проблеме в отечественной исторической науке. А в последующих параграфах всех глав на суд научной общественности выносятся собственно историографический анализ темы. Спорный, конечно, алгоритм. Но здесь не формоторчество, а научный поиск наиболее целесообразного структурирования и фактографического, и фактологического, и аналитического материала. И надо сказать, что в целом это структурирование получилось относительно удачным.

Рассматривая историографическую ситуацию в дореволюционной военно-исторической науке, автор применительно к теме своего исследования убедительно доказал, что условия, в которых происходила историографическая разработка проблемы морального духа армии императорской России и его укрепления в 1870-1914 гг., отличались сложностью, неоднозначностью и противоречивостью. Налицо многофакторное

воздействие на ее развитие: складывание и развитие основных центров военно-исторических исследований; развертывание работы по разработке архивных фондов, что оказало существенное влияние на эволюцию документальных публикаций по военной истории; огромная роль в распространении военно-исторических знаний военных журналов; развитие библиографии, что способствовало более высокому уровню военно-исторических исследований; увеличение тиража военно-исторической литературы; поиск методов исследования военной истории; процесс осмысления итогов проигранной Русско-японской войны; чрезвычайная заинтересованность императора Николая II в создании общедоступных трудов по военной истории; совершенствование исторической публицистики; появление более широкой возможности прослеживания позиции официальных лиц по отношению к армии.

Отличаются неординарностью и оценочные суждения Г.М. Ипполитова об особенностях российской исторической науки в изгнании, преломленные сквозь призму объекта и предмета его историографического исследования. С его точки зрения, российская историческая наука в изгнании – самостоятельный научный артефакт. Это обусловлено тем, что российское зарубежье в своем генезисе и эволюции трансформировалось в уникальную общность, не имеющую аналогов в истории мировых цивилизаций. Истоки такой уникальности – в прямом порождении данной общности российской революцией и Гражданской войной (1917-1920 гг.) (С.183). Однако историография российского зарубежья может рассматриваться в качестве хотя и самостоятельной, но все же составной частью зарубежной историографии, особенно после того, как белая эмиграция растворилась в более широкой общности – русском зарубежье (С.186). И, наконец, российская историческая наука в изгнании может рассматриваться в качестве хотя и самостоятельной, но все же составной частью отечественной историографии. Особенно подобная постановка вопроса актуальна сейчас, когда исчез организационно-правовой и, что особенно важно, идеологический барьер для взаимопроникновения двух артефактов – отечественной историографии и историографии российского зарубежья (С.186). Кроме того, утверждает автор рецензируемой монографии, в составе историографии российского зарубежья целесообразно выделить в качестве самостоятельного вида военную историографию, в которой именно проблемы духовного характера стали предметом всестороннего изучения (С.187).

Можно согласиться и с синтезированными автором рядом обстоятельств, влиявших суще-

ственным образом на историографию рассматриваемой проблемы в исторической науке русского зарубежья. Это, в первую очередь – условия бытия эмигрантских авторов, проживающих в разных странах. Стоит отдельной констатации то, что белоэмигрантская историография развивалась в сложных экономических, социально-политических и психологических условиях, связанных с поражением Белого движения в Гражданской войне и потерей Отечества огромным количеством его участников. Кроме того, Г.М. Ипполитов выделяет здесь еще и такие обстоятельства: наличие у белоэмигрантских исследователей большой степени творческой свободы, отсутствие жесткого идеологического диктата со стороны государств проживания, а уж тем более репрессий по идеологическим мотивам; достаточно свободный доступ ко многим уникальным документам (С.190). Особенный акцент исследователь делает на том, что интенсивно создавалась источниковая база, велась библиографическая работа. Происходило организационное оформление интеллектуальной, военно-научной и военно-учебной работы военной эмиграции. Определялись и жанровые особенности большинства работ, которые носят мемуарный и мемуарно-исследовательский характер, расцвела военная публицистика, появлялись первые научные исследования. Представляется важным и такое суждение исследователя: Вторая мировая война (1939-1945 гг.) разрушила сложившуюся творческую научную и педагогическую деятельность русского зарубежья. Было ликвидировано большинство изданий, прекратили свою деятельность союзы и общества, ушли из жизни многие представители военной мысли (А. Геруа, Н. Головин, А. Керсновский, Б. Штейфон), погибли ценные источники и материалы (С.194).

Анализируя условия выполнения исследований по рассматриваемой проблеме в советской исторической науке (применительно к теме своей монографии), Г.М. Ипполитов делает важный вывод: феномен советской историографии нуждается в осмыслении и переосмыслении. Настало время верифицированных суждений и оценок (С.225). Но далее автор, по моему суждению, излишне подробно разбирается в характерных чертах данного феномена (С.225-233). Архитектоника первого параграфа четвертой главы из-за этого становится несколько тяжеловесной. Правда, затем исследователь дает довольно четкие характеристики условий выполнения исследований по рассматриваемой проблеме в советской исторической науке по каждому условному историографическому этапу, им же определенному. Логически и исторически стройно сформулирован главный вывод: советская

историография рассматриваемой проблемы прошла сложный противоречивый путь. Конкретно-историческая обстановка оказала самое непосредственное влияние на историю изучения вопросов морального духа армии императорской России и его укрепления в хронологических рамках, означенных выше, обусловив ее неравномерное развитие (С.340).

Относительно позднего советского (перестройка) и современного периодов (вторая половина 1980-х годов – до настоящего времени) историографии автор применительно к рассматриваемой им проблеме заключает, что в 1990-е годы в военно-исторической науке имеет место определенное наращивание усилий и темпов. Произошла коренная перестройка содержания военно-исторических исследований, определены новые научные приоритеты, одним из которых стало исследование теории и практики морально-психологического обеспечения деятельности Вооруженных сил РФ (С.265); важным направлением становится решение теоретико-методологических проблем военно-исторической науки, определение ее мировоззренческих основ (С.266). Подобные заключения представляются плодом кропотливой аналитической работы Георгия Михайловича по изучению условий выполнения историографических исследований по его проблеме в период, указанный выше. Не ушло от внимания исследователя и то, что появилось явление, характерное для российской исторической науки начала XXI, – значительное количество электронных ресурсов, посвященных истории армии России императорской (С.268). Но особенно ценным представляется такое обобщение ученого: в новой конкретно-исторической обстановке, сложившейся в современной России, в исторической науке, наряду с творческим поиском наблюдаются и поверхностные подходы. В отдельных работах, где внешне соблюдается новизна проблемы (главным образом, за счет ссылок на архивные документы и материалы), в то же время под общее и очевидное подгоняются факты. В таких трудах проводится слабый анализ, появляются обобщения, которые сводятся к подведению суммы фактов к общеизвестному постулату. Погоня за ложной актуальностью приводит к появлению откровенно слабых работ. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние новой политической конъюнктуры, которая, пусть в не столь жестких формах, как в советское время, но все же оказывает влияние на развитие исторической науки (С.268-269).

Высокую научную ценность несут синтезирующие суждения, сделанные ученым на базе анализа историографических источников по исследуемой им проблеме.

Дореволюционная историография. Отличительная черта – поступательное развитие. Положительным импульсом для развития русской военной науки, оригинальной научной военной мысли послужила военная реформа Д.А. Милютин. Проблема данного историографического исследования нашла свое отражение в работах исторического, военно-практического, религиозного, психологического характера, послуживших базой для формирования национальной концепции военно-патриотической идеи. От признания решающей роли морального духа, конкретизации этого понятия через совокупность определенных нравственных качеств до обоснования активной роли государственных структур в этой области военного строительства – таков главный итог научных разработок на данном историографическом этапе. Можно выделить следующие черты дореволюционной отечественной историографии темы: возросший научный уровень исследований процесса укрепления морально-психологических основ русской армии; переход от работ описательного плана к произведениям, для которых свойственна постановка вопросов проблемного характера (С.180-181).

Историография русского зарубежья. Личностный фактор сыграл определяющую роль в развитии военной мысли русского зарубежья. Проблема укрепления морального духа русской армии как главного условия существования боеспособных вооруженных сил государства поднималась и исследовалась непосредственными участниками военных кампаний начала XX века, представителями высшего офицерства армии России императорской. Их уход из жизни означал окончание этапа развития российского зарубежья, когда были исчерпаны все возможности для саморазвития. Рассматриваемая тема в российском зарубежье так и не стала предметом самостоятельного комплексного научного исследования. Однако именно проблемы духовного характера стали предметом всестороннего изучения деятелями российского зарубежья: введено в научный оборот само понятие «моральный дух», которое было подвергнуто детальной конкретизации; введены в научный оборот новые факты и сделаны ценные обобщения. Характерная черта истории изучения данной проблемы в историографии русского зарубежья – поступательное развитие: от мемуаров и мемуарно-исследовательских работ к монографическим трудам. Еще одна характерная черта – неравномерность развития: большой интерес к проблемам духовного характера в 1920-е-1930-е гг.; полное отсутствие работ в годы Второй мировой войны; возвращение темы в область научных исследований в 50-е-60-е гг. минувшего века (С.220-222).

Послереволюционная отечественная историография. Советская историография проблемы (1920-е – первая половина 1980-х гг.). Главное заключается в том, что в советской историографии состоялась научная разработка основных направлений проблемы укрепления морального духа армии с 1870 по 1914 г., несмотря на установление жестких границ научного познания. Административный контроль и идеологическое давление на историков имели то серьезное последствие, что уровень научной разработки проблемы рассматриваемой монографии имел серьезные искажения. Но подобное объективное обстоятельство не дает права отвергать все достижения советской исторической науки. За это время было создано большое количество серьезных исследований, где налицо глубокий анализ источников, живая авторская мысль. Переосмысление такого наследия с новых подходов, которые утвердились в современной российской исторической науке, его критический анализ позволят современному исследователю использовать всё богатство фактографического, фактологического и аналитического материала. Изучение советской историографии – необходимое звено в деле полного анализа темы, составляющей предмет исследования рецензируемой монографии. *Постперестроечная, постсоветская и современная историография проблемы* молода и динамична в своем развитии. Для нее характерна полярная смена исследовательских приоритетов в научной разработке проблемы, попавшей в сферу научных интересов автора монографии. Новые методологические подходы ко всей дооктябрьской истории, в том числе и истории русской армии, поставили перед историками иные задачи и возможность постановки как принципиально новых направлений исследований, так и продолжения дореволюционных традиций в изучении военной истории. Объектом пристального изучения становятся социально-психологические вопросы в жизни русской армии, морально-психологического обеспечения деятельности вооруженных сил на том или ином этапе исторического развития. Несмотря на определенные достижения отечественной исторической мысли, проблема морального духа армии России императорской и его укрепления не нашла еще пока достаточной научной разработки (С.340-341).

В заключение монографии автор утверждает, что выделенные в его работе основные направления развития каждого историографического периода имеют общие составляющие, которые заключаются в следующих явлениях: 1. Расширение источниковой базы исследования. 2. Поиск новых документов и их публикация. 3. Научное приращение историографии данной темы.

4. Изменение подходов историков как к проблеме военного строительства императорской России, так и к анализу деятельности государственных органов и военного управления по укреплению морального духа армии и флота (С.349).

Заслуживают внимания и уроки, извлеченные автором из историографического исследования своей темы:

1. В современных условиях модернизации ВС РФ, когда значительно повысились требования к уровню подготовки военных кадров, необходимо дальнейшее совершенствование деятельности органов государственной власти и военного управления по укреплению морального духа армии, основных принципов и методов организации работы в этой области.

2. Успешная реализация задач по формированию у личного состава высоких морально-психологических качеств возможна лишь при творческом использовании исторического опыта деятельности органов государственной власти и военного управления России, зафиксированного в историографии более чем за 140 лет.

3. Получение реальной исторической картины возможно только на базе глубокого анализа имеющихся историографических источников, концепций, опираясь на проверенные исторические факты. Политический фактор, проявлявшийся в субъективизме правящей элиты, являлся определяющим для развития исторической науки, в связи с этим возрастает необходимость правдивого, свободного от конъюнктурных явлений анализа деятельности государственных органов России по укреплению морального духа русской армии.

4. Современный уровень исторического познания диктует необходимость объективного критического осмысления истории деятельности государственных органов по укреплению морального духа русской армии, исключая как негативистский подход, так и апологетический, связанный с воспроизведением оценочных суждений дореволюционной историографии. Главными принципами научного исследования должны стать объективность, историзм, компаративизм.

5. Исторический опыт учит, что эффективное решение всех вопросов военного строитель-

ства, создание духовно крепкой, профессиональной армии будут зависеть от обоснования национальной идеи, в основе которой должны лежать идеи патриотизма, любви к своему Отечеству и народу, готовности их защищать, то есть те идеи, которые составляли краеугольный камень русской военной классики. Прогресс военного дела определяется как законами истории, развитием военного искусства, так и духовным наследием, идеями и заветами наиболее авторитетных представителей военной мысли (С.349-351).

Было бы научной маниловщиной считать, что подобные фундаментальные и объемные научные исследования обошлись без недостатков. Есть они и в рецензируемой монографии. Отдельные из них уже выше приводились. Кроме того:

1. Исследуя историографическое осмысление Русско-турецкой войны (1877-1878 гг.) в контексте своей проблемы, автор не уделил достаточного внимания анализу материалов «Военного сборника», опубликованных как по горячим следам, так и с некоторой временной дистанции.

2. Более подробного анализа заслуживает и книга Н. Головина «Высшая военная школа», содержащая ценные обобщения опыта отечественных ученых и практиков в деле совершенствования системы подготовки офицерских кадров. Не показано, как идеи Н. Головина образца до 1917 г. преломились у Н. Головина-белоэмигранта в его знаменитой работе «Военные усилия России в Мировой войне», вышедшей в 1939 году в Париже.

3. Отдельные страницы монографии перенасыщены цитатным материалом.

Между тем подобные недостатки – органическое продолжение достоинств рецензируемой монографии. Они не могут снизить ее высокое научное качество. Видимо, о труде Г.М. Ишполитова еще будут говорить в кругах научной общности, ибо его монография заметное явление в исследовании военного прошлого России.

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России,
заслуженный работник высшей школы РФ
В.В. Рыбников*